

Накануне, при первой встрече, наложница Цзян предстала в облике знатной дамы, но теперь её волосы были растрёпаны, шпильки сбились, а лицо, размытое слезами, превратилось в маску отчаяния. Она рыдала и кричала, словно безумная.

Не дожидаясь приказа Гу Хуайцина, слуги из Восточной Ограды тут же схватили наложницу Цзян. Та отчаянно вырывалась, вопя о своей невинности.

— В чём же ваша невинность? — спросил Гу Хуайцин.

Наложница Цзян, вытирая слёзы, сквозь рыдания ответила:

— Я взываю о несправедливости к моему недостойному сыну, Юйчжу. Пусть у него много недостатков, но он никогда не смог бы совершить такое злодеяние, как убийство собственного отца! А господин Дуань без лишних слов арестовал его и отправил в тюрьму Чжаоюй!

Сердце наложницы Цзян разрывалось от боли за сына, и она не могла сдерживать рыданий.

Гу Хуайцин, раздражённый её плачем, холодно произнёс:

— Если он невиновен, то несколько дней в тюрьме ему не повредят. Истина восторжествует: невинного не осудят, а виновный не избежит кары.

— Но разве можно выйти из тюрьмы Чжаоюй целым и невредимым? Мой сын с пелёнок не знал лишения, как он это вынесет? — Наложница Цзян с грохотом рухнула на колени. — Господин Гу, я знаю, мой сын вас когда-то оскорбил. Я прошу за него прощения! Вы — человек великодушный, не судите его строго. Я умоляю вас, поговорите с господином Дуанем. Мой сын невиновен, он действительно невиновен!

С этими словами она принялась биться лбом об пол так сильно, что на лбу быстро выступила краснота.

Хотя Гу Хуайцин и презирал Шэнь Юйчжу, сердце его дрогнуло при виде материнской любви и отчаяния. Он велел слугам поднять наложницу Цзян и сказал:

— Успокойтесь. Пока вина не доказана, даже Гвардия в парчовых халатах не может применять пытки. Не терзайтесь так. Что до ареста вашего сына, у Дуань Минчэня, несомненно, есть причины. Я поговорю с ним, а затем решу.

Услышав это, наложница Цзян немного успокоилась, но всё же с возмущением добавила:

— По-моему, господин Дуань просто поверил наветам тех мерзавок, что оклеветали моего сына!

Гу Хуайцин нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

— В этом доме мой сын, хоть и единственный мужчина, никогда не был в чести у отца. Я служила господину много лет, и хоть не совершила великих дел, но и не заслужила такого пренебрежения. Всё это ничто перед одним словом Шэнь Ичань!

— С двенадцати лет Шэнь Ичань управляла домом, и все твердят, будто она справедлива, умна и способна, восхваляя её, словно цветок. Но если она такая хорошая, зачем она то и дело подсовывает моему сыну этих развратниц? Хороший мужчина испортился из-за этих

соблазнительниц!

— А эта Се Хуэйланы! Едва войдя в дом, она прибрала к рукам господина, уговорила его пить «отвар, поднимающий ян», и он только о наследнике и думал. Если бы не её проделки, господин не умер бы так внезапно... Ох, господин, как же ты погиб!

Наложница Цзян закрыла лицо руками и зарыдала. Гу Хуайцин, раздражённый её навязчивостью, велел слугам увести её, а сам спросил:

— Где Дуань Минчэнь?

— Господин Дуань вернулся в Усмирительное ведомство Цзиньивэй.

Не теряя ни мгновения, Гу Хуайцин вскочил на коня и помчался прочь.

Северное усмирительное ведомство Гвардии в парчовых халатах славилось своей суровостью, особенно тюрьма Чжаоюй, наводящая ужас даже на высших сановников.

Гу Хуайцин впервые оказался здесь, но ему было не до осмотра. Мысли его занимало дело семьи Шэнь, и он горел желанием задать Дуань Минчэню накопившиеся вопросы.

Дуань Минчэнь, похоже, ждал его. Едва Гу Хуайцин подъехал к воротам ведомства, как офицер Гвардии в парчовых халатах, дежуривший у входа, почтительно поклонился и проводил его внутрь.

Дуань Минчэнь, облачённый в парчовый халат с золотой вышивкой, с клинком «Вышитая весна», снятым и лежащим на столе, спокойно пил чай, углубившись в документы.

Гу Хуайцин, увидев его безмятежный вид, пришёл в ярость. Он с силой распахнул дверь и с сарказмом бросил:

— Господин Дуань, вы уже готовы дело закрыть?

Дуань Минчэнь поднял взгляд, окинул им повреждённую дверь и невозмутимо произнёс:

— А, господин Гу, доброе утро!

Спокойствие Дуань Минчэня выводило Гу Хуайцина из себя. Сам он пылал нетерпением, а тот вёл себя так, будто ничего не случилось.

— Я просил вас тщательно допросить Шэнь Юйчжу, почему вы сразу в тюрьму Чжаоюй его отправили?

Дуань Минчэнь, похоже, ждал этого вопроса. Он протянул Гу Хуайцину свёрток бумаг:

— Это протокол вчерашнего допроса Шэнь Юйчжу.

Тот признался, что бутылку вина «Белый цвет груши» он попросил купить старуху Лу и спрятал на кухне, чтобы иметь возможность выпить, когда захочется.

В ночь убийства, в начале часа Хай, он действительно ходил на кухню за ночным перекусом для наложницы Цзян. Выйдя оттуда, он прошёл через рошу красных слив и направился в восточный флигель, где та жила.

В ту ночь Шэнь Юйчжу был одет в белый ханчжоуский шёлк, что совпадало с описанием старухи Лу, видевшей в роще силуэт. Материал ткани также полностью совпадал с тем, что Гу Хуайцин нашёл в роще.

Однако все белые ханчжоуские одежды, обнаруженные в комнате Шэнь Юйчжу, были целыми, без следов повреждений.

Гу Хуайцин пробежал глазами документ и задумался...

Шэнь Юйчжу днём был отруган отцом, да и родную мать его могли изгнать из дома Шэнь. Если бы Шэнь Цзюньжу и Се Хуэйлань родили законного наследника, Шэнь Юйчжу полностью лишился бы прав на наследство.

Таким образом, у Шэнь Юйчжу действительно был мотив для убийства, ведь он — единственный сын Шэнь Цзюньжу, и после его смерти стал бы главным наследником.

Бутылка вина, ставшая причиной смерти Шэнь Цзюньжу, принадлежала Шэнь Юйчжу. Во время приготовления лекарства он был на кухне, и после ухода старухи Лу рядом с ним была лишь служанка Цю Лянь. У него была возможность, пока та не видела, подлить вино в лекарство. А может, Цю Лянь была его сообщницей и намеренно скрыла факт наличия вина.

Все улики, казалось, указывали на Шэнь Юйчжу: у него был мотив, а вино служило вещественным доказательством. Однако Гу Хуайцин всё же чувствовал, что здесь что-то не так.

— Моя интуиция подсказывает, что это не Шэнь Юйчжу, — медленно произнёс Гу Хуайцин.

— Интуиция? Господин Гу, в расследовании нужно опираться на факты, а не на интуицию, — усмехнулся Дуань Минчэнь.

— Чему ты смеёшься! Моя интуиция всегда точна! К тому же, в этом деле есть несколько нестыковок...

— Во-первых, Шэнь Юйчжу — развратный и глупый повеса. Хоть он и читал книги мудрецов, убийство отца — не та вещь, на которую он бы отважился. Даже если бы хватило смелости, ума на столь тщательный план у него не хватило бы. То, что грецкие орехи и вино в сочетании могут вызвать удушье у человека с кашлем и кровохарканьем, знает лишь тот, кто сведущ в медицине и фармакологии.

— Во-вторых, Шэнь Юйчжу действительно был в белом ханчжоуском шёлке, и ткань совпадает с найденным мною лоскутом. Но почему ни одна из его одежд, найденных в комнате, не повреждена? Конечно, возможно, он избавился от той одежды, но также возможно, что кто-то, одетый в такую же, подставил его.

— Наконец, служанка Цю Лянь. Какие у неё отношения с Шэнь Юйчжу? Почему она скрыла факт наличия вина? Была ли она его сообщницей? Насколько правдивы её показания? Она утверждает, что после ухода Шэнь Юйчжу вышла во двор прогнать кошку и на мгновение оставила лекарство без присмотра. Можно ли этому верить?

— Видишь, в этом деле ещё столько неясностей. Как ты можешь так поспешно его закрывать? Ты поступаешь как бездарный чиновник, не заботящийся о справедливости. Как ты оправдаешь доверие императора?

Слова Гу Хуайцина были остры, как клинок, и он буквально припер Дуань Минчэня к стене. Его

пронзительный взгляд был столь грозен, что, казалось, один неверный ответ — и он пригвоздит собеседника к стене.

Однако Дуань Минчэнь сохранял спокойствие. Он слегка улыбнулся и сказал:

— Ты рассуждаешь логично, но я дело не закрывал.

Гу Хуайцин удивился:

— Но... разве ты не отправил Шэнь Юйчжу в тюрьму Чжаоюй?

— Кто сказал, что он в тюрьме Чжаоюй? Я лишь временно его изолировал. — Дуань Минчэнь сделал паузу и многозначительно добавил:

— Ты думаешь, тюрьма Чжаоюй — место, куда попасть так просто?

<http://bllate.org/book/16283/1466682>